

**А. Гусев**

**Любовь к людям в учении графа  
Л. Толстого и его руководителей**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 101  
ББК 87  
А11

А11 **А. Гусев**  
Любовь к людям в учении графа Л. Толстого и его руководителей / А. Гусев – М.: Книга  
по Требованию, 2024. – 112 с.

**ISBN 978-5-458-54961-5**

**ISBN 978-5-458-54961-5**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2024  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Рѣшаюсь предложить Вашему просвѣщенному вниманію посильное слово мое о любви къ людямъ, ея основаніяхъ и мотивахъ <sup>1)</sup>). Какъ преподаватель науки, одна изъ существенныхъ задачъ которой состоитъ въ полемикѣ противъ современныхъ рационалистическихъ противниковъ и искажителей православно-христіанскаго міровоззрѣнія, имѣю весьма уважительные мотивы къ тому, чтобы избрать для своей рѣчи именно этотъ предметъ.

Со времени Огюста Конта, Шопенгауэра и другихъ мыслителей подобнаго направленія вопросъ объ альтруизмѣ получилъ особую важность для христіанскаго апологета и самъ по себѣ, но въ особенности по своей органической связи съ ученіемъ о божествѣ и человѣкѣ. Какъ идеи Ог. Конта, такъ въ особенности идеи Шопенгауэра, многія изъ сочиненій котораго переведены на русскій языкъ, давно знакомы нашей образованной публикѣ. Самое вліяніе этихъ мыслителей на нѣкоторыхъ представителей русской науки не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ доказатель-

---

<sup>1)</sup> Рѣчь, сокращенно произнесенная на торжественномъ собраніи Казанской Духовной Академіи 8-го ноября 1891 года.

ство своей мысли укажу хотя на г. профессора Н. Я. Грота. „Человѣкъ, по его словамъ, долженъ дѣйствовать не для себя, а для другихъ. Цѣлью должны быть другіе, а самъ онъ—только *средствомъ* для достиженія этой цѣли и продуктомъ ея преслѣдованія другими. Нравственны, хороши только чувства, имѣющія предметомъ другихъ, а также хотѣнія и дѣйствія, съ этими чувствами связанныя“ <sup>1)</sup>). Такой взглядъ на нравственно-доброе и злое представляетъ собою не иное что, какъ повтореніе мыслей Ог. Конта.

Но ни у кого онѣ не получили столь крайняго развитія и примѣненія, какъ у всѣмъ извѣстнаго нашего вліятельнаго писателя. Прикрываясь якобы чисто-христіанскою идеею любви къ людямъ, онъ выступилъ съ ученіемъ, колеблющимъ и потрясающимъ самыя дорогія и святыя для людей чувства любви между супругами, самыми кровными родственниками, друзьями, единовѣрцами, товарищами, близкими знакомыми, соотечественниками и т. д. Превратные взгляды этого писателя на любовь къ людямъ, ея основанія и мотивы изложены въ 13-мъ томѣ его сочиненій, который особенно распространенъ и читается не безъ явнаго вреда десятками тысячъ нашихъ соотечественниковъ разныхъ общественныхъ положеній, возрастовъ и степеней образованія.

Но что хуже всего, такъ это—высказываемая многими мысль, будтобы въ альтруистическомъ ученіи этого писателя выражаются чисто-евангельскія воззрѣнія. Такъ, еще недавно одинъ изъ видныхъ нашихъ писателей говорилъ въ весьма распространенномъ періодическомъ изданіи, будтобы гр. Толстой—религіознѣйшій человѣкъ, исполненный глубокой вѣры въ божественные заветы Христа <sup>2)</sup>, и будтобы онъ основываетъ свое ученіе на истинномъ разумѣніи евангельской заповѣди о любви <sup>3)</sup>. Наиболѣе же заслуживаетъ

<sup>1)</sup> Стран. 440 въ 3 кн. журнала: *Новь* за 1884 г.

<sup>2)</sup> Слова г. Буренина въ *Новомъ Времени* отъ 6 сент. 1891 г.

<sup>3)</sup> Слова его же въ названной газетѣ отъ 30 авг. 1891 г.

вниманія то, что такой же взглядъ на ученіе гр. Толстаго раздѣляетъ даже Н. Н. Страховъ, пользующійся репутаціею серьезнаго мыслителя и просвѣщеннаго писателя. Онъ не только упрекаетъ представителей и друзей христіанской религіи за то, что они не видятъ въ гр. Толстомъ христіанскаго нравоучителя <sup>1)</sup>, но и заподозриваетъ пастырей церкви и богослововъ, полемизировавшихъ съ знаменитымъ писателемъ, въ утратѣ пониманія истиннаго духа христіанскаго нравоученія <sup>2)</sup>.

Только религіозно-нравственный индеферентизмъ, или оптимистическое лицемѣріе могутъ находить излишнимъ дѣломъ критическій разборъ ученія, извращающаго какъ христіанскую идею любви къ ближнимъ, такъ и христіанское понятіе о Богѣ и человѣкѣ. Для просвѣщенныхъ-же представителей настоящаго собранія, полагаю, очевидна обязанность апологета христіанства сводить счеты съ такимъ ученіемъ.

Я побуждаюсь къ исполненію этой своей обязанности и чисто-побочнымъ, повидимому, но важнымъ обстоятельствомъ. Внявши нѣкоторымъ изъ представленныхъ ему доказательствъ нерезонности отвергать бракъ на томъ основаніи, что І. Христосъ былъ дѣвственникъ, что, будтобы, никто изъ апостоловъ не былъ женатъ, что учителя первенствующей церкви были, будтобы, противъ брака, что, будтобы, отъ сокращенія численнаго количества людей на землѣ зависитъ ихъ матеріальное благосостояніе <sup>3)</sup> и т. под., нашъ знаменитый писатель отбросилъ многіе изъ прежнихъ его доводовъ въ пользу безбрачія <sup>4)</sup>, но зато выдвинулъ другіе, якобы прямо вытекающіе изъ христіанской идеи

---

<sup>1)</sup> Стран. 107, 109 и 119 въ 9 кн. *Вопросовъ философіи и психологіи*.

<sup>2)</sup> Ibid. стран. 115 и 116.

<sup>3)</sup> См. во 2-мъ изданіи моей брошюры: *О бракѣ и безбрачіи* — стран. 38, 40, 91—93, 103—107, 143 и др.

<sup>4)</sup> См. стран. 298, 379 и 381 въ 13-мъ томѣ *Собранія сочиненій* гр. Толстаго (первое изданіе).

любви къ ближнимъ <sup>1)</sup>). На полемизировавшемъ съ гр. Толстымъ по вопросу о бракѣ и безбрачїи лежитъ нравственный долгъ теперь рассмотреть ученіе его о любви къ людямъ, тѣмъ болѣе, что никто специально еще не обсуждалъ его.

Задачею своей рѣчи поставляю возможно-обстоятельное обсужденіе слѣдующихъ вопросовъ: I) въ чемъ состоитъ сущность ученія гр. Толстаго о любви къ людямъ, ея основаніяхъ и мотивахъ, II) откуда позаимствовано оно и III) можетъ-ли быть признано состоятельнымъ съ точки зрѣнія здраваго христіански-философствующаго сознанія? Въ виду же того, что многіе усматриваютъ въ гр. Толстомъ не только самобытнаго мыслителя, но и человѣка, будтобы болѣе всего дорожащаго согласіемъ его взглядовъ съ евангельскимъ ученіемъ <sup>2)</sup>, вынуждаюсь пообстоятельнѣе показать, чей внимательный и покорный ученикъ—онъ.

## I.

Не только разбирать, но и излагать ученіе нашего знаменитаго писателя о любви къ людямъ не иначе, какъ въ связи съ ея основаніями и мотивами, обязываетъ меня и онъ самъ. „Ученіе Христа, говоритъ онъ, какъ и всякое религіозное ученіе, заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: а) ученіе о томъ, какъ надо жить каждому отдѣльно и всѣмъ вмѣстѣ, и б) объясненіе, почему людямъ надо жить именно такъ, а не иначе. Первое есть слѣдствіе другаго“ <sup>3)</sup>. Вопросъ о метафизическихъ основаніяхъ альтруизма представляетъ неоспоримую важность: коль скоро оказались-бы они несостоятельными, то уже чрезъ это одно была-бы подорвана вся мнимо-альтруистическая доктрина на-

<sup>1)</sup> Ibid. стран. 376 и 380.

<sup>2)</sup> См. слова г. Волынскаго на стран. 29 въ 5 кн. *Вопросовъ философіи и психологи* и слова г. Страхова на 109 и др. стран. въ 9 кн того-же журнала.

<sup>3)</sup> Стран. 244 въ *Worin besteht mein Glaube* (Leipzig, 1885 г.).



шего знаменитаго писателя и его руководителей. Недостаточность же или непригодность мотивовъ, выставленныхъ для мнимо-альтруистической дѣятельности, довершила бы паденіе всей доктрины. Но сперва обратимся къ ученію нашего писателя о любви къ людямъ, а затѣмъ уже перейдемъ къ ея основаніямъ и мотивамъ.

То, что люди всего чаще называютъ любовью, по мнѣнію гр. Толстаго, не заслуживаетъ имени любви. Не говоря уже объ увлеченіи наукою, искусствомъ, какой-нибудь государственно-общественной службою, приобрѣтеніемъ денегъ и тому подобнымъ, даже особая любовь къ женѣ, къ мужу, къ дѣтямъ, къ родителямъ, къ родственникамъ, къ друзьямъ, къ товарищамъ, къ соотечественникамъ и т. под. рѣшительно не заслуживаетъ названія истинной любви <sup>1)</sup>. То, что люди обыкновенно называютъ любовью, представляетъ собою эгоистическое предпочтеніе однихъ условій блага своей личности другимъ. Когда человѣкъ говоритъ, что онъ любитъ свою жену, или своего ребенка, или друга, онъ говоритъ этимъ только то, что присутствіе такихъ лицъ увеличиваетъ благо его личной жизни <sup>2)</sup>. Значить, въ основѣ такой любви лежитъ эгоизмъ, забота о личномъ благѣ. Любовь же не есть пристрастіе къ тому, что увеличиваетъ временное благо личности человека, а именно таковымъ пристрастіемъ и оказывается любовь къ избраннымъ лицамъ или предметамъ <sup>3)</sup>. Если же любящій иногда и забываетъ ближайшіе интересы своей личности ради любимаго, то онъ дѣлаетъ это въ отдаленнѣйшихъ интересахъ своего-же блага <sup>4)</sup>. Истинная любовь чужда всего этого: она предполагаетъ въ человѣкѣ отреченіе отъ своего я и отъ по-

---

<sup>1)</sup> Стран 19, 21, 22 и друг. въ 13-мъ т. *Собранія сочиненій*.

<sup>2)</sup> Ibid. стран. 25 и 26.

<sup>3)</sup> Ibid. стран. 31 и др.

<sup>4)</sup> Ibid. стран. 27.

гони за личнымъ счастьемъ <sup>1)</sup>. Предпочтительная любовь къ какимъ-либо людямъ или предметамъ не заслуживаетъ названія любви и потому, что она является источникомъ скорбей и бѣдствій какъ для питающаго ее, такъ для любимыхъ лицъ. Не видимъ-ли мы, какъ любящій женщину самъ страдаетъ отъ этой любви и заставляетъ страдать любимое существо? Не знаемъ-ли, какъ подъ вліяніемъ этого же чувства люди, принадлежащіе къ какому-нибудь товариществу, наносятъ вредъ другимъ изъ-за того только, чтобы отстоять своихъ? Тоже чувство пристрастія къ какому-либо занятію заставляетъ человѣка мучить себя надъ нимъ и чрезъ то причинять горе окружающимъ людямъ. Тоже чувство въ видѣ патріотизма не позволяетъ людямъ переносить ни малѣйшей обиды, нанесенной ихъ любимому отечеству, и покрываетъ поля убитыми и ранеными, какъ своими, такъ и чужими <sup>2)</sup>. Вообще предпочтительная любовь, какъ выходящая изъ эгоизма личности, лишь увеличиваетъ стремленіе ея къ личному благу и разжигаетъ борьбу между индивидуумами за блага жизни <sup>3)</sup>. Еслибы въ человѣкѣ не было любви къ себѣ и предпочтительной любви къ чему-либо, то не существовало-бы 99 процентовъ зла, теперь господствующаго въ человѣчествѣ. Девяносто девять процентовъ зла между людьми проистекаетъ изъ того фальшиваго чувства, которое мы восторженно называемъ любовью и которое въ сущности есть звѣрское чувство <sup>4)</sup>.

Чтобы любовь заслуживала своего имени и была источникомъ блага для людей, она не должна направляться преимущественно на какія-либо лица, но должна безразлично простирается на всѣхъ людей. встрѣчающихся намъ на жизненномъ пути. Еслибы люди были

---

<sup>1)</sup> Ibid. стран. 29 и др.

<sup>2)</sup> Стран. 152—153 въ *Über Leben* (Leipzig, 1889 г.).

<sup>3)</sup> Стран. 28—29 въ 13 т. *Собрания сочиненій*.

<sup>4)</sup> Стран. 159 въ *Über Leben*.

богами, то они еще могли-бы любить однихъ избранныхъ людей. Тогда и предпочтеніе однихъ людей могло-бы быть истинной любовью <sup>1)</sup>. Съ другой стороны, люди находятся въ такихъ условіяхъ существованія, при коихъ *всякое* плотское благо получается однимъ изъ нихъ только въ ущербъ другому <sup>2)</sup>. По какому-же праву мы стали бы ради однихъ людей, почему-нибудь угодныхъ намъ, наносить ущербъ другимъ такимъ-же по своей природѣ существамъ? Въ той давкѣ и борьбѣ животныхъ интересовъ, которыя составляютъ жизнь міра, и любовная дѣятельность, направленная на благо другихъ, отнюдь не должна опредѣляться нашими личными пристрастіями и привязанностями, а должна быть обращена на тѣхъ, кто бы въ данный моментъ ни предсталъ предъ нами, какъ нуждающійся въ нашей помощи. Если же мы допустимъ, что чужаго озябшаго ребенка можно не одѣть или что можно отказать въ подавніи постороннему голодному старику, такъ какъ въ противномъ случаѣ наши дѣти остались-бы раздѣтыми и голодными, то вѣдь я могу не отдаться и другимъ требованіямъ любви во имя моихъ будущихъ дѣтей. Но такъ дѣйствовать значитъ дѣйствовать не во имя любви, а во имя своей личности. Тутъ человѣкъ любитъ лишь себя самого и никого больше <sup>3)</sup>. Это тѣмъ несомнѣннѣе, что любви въ будущемъ не бываетъ: она есть дѣятельность только въ настоящемъ. Человѣкъ, не проявляющій любви въ настоящемъ, чуждъ ея <sup>4)</sup>.

Истинная любовь состоитъ въ томъ, что мы любимъ другихъ больше, чѣмъ себя самихъ, и живемъ отнюдь не для себя, а для другихъ <sup>5)</sup>. Какъ ничѣмъ

---

<sup>1)</sup> Стран. 23 въ 13 томѣ *Собранія сочиненій*.

<sup>2)</sup> Ibid.

<sup>3)</sup> Ibid. стран. 23 и 24.

<sup>4)</sup> Ibid. стран. 24 и 25.

<sup>5)</sup> Стран. 120 и 121 въ *Über Leben*.

не закрытое растеніе не можетъ спрашивать и не спрашиваетъ о томъ, въ какую сторону ему расти и хорошъ-ли наличный свѣтъ, не подождать-ли ему лучшаго, а беретъ тотъ единственный свѣтъ, который есть въ мірѣ, и тянется къ нему, такъ и разумно любящій человѣкъ не разсуждаетъ о томъ, какимъ любимымъ существамъ послужить и нѣтъ-ли еще какой-нибудь лучшей любви, чѣмъ заявляющая свои требованія, а отдаетъ себя, свое существованіе той любви, какая доступна ему и есть предъ нимъ <sup>1)</sup>. Истинная любовь есть *состраданіе* не только ко всѣмъ людямъ одинаково, кто бы они ни были, но и къ животнымъ всякаго рода <sup>2)</sup>. Истинно-любящій ничего не ищетъ и не добивается для самого себя. У него нѣтъ ничего своего. Блага, какими онъ можетъ пользоваться, должны быть плодомъ не личнаго приобрѣтенія, а дара со стороны другихъ людей <sup>3)</sup>. Вся жизнь истинно-любящаго есть осуществленіе правила: никому не вреди и всѣмъ, сколько можешь, помогай. Онъ никогда не гнѣвается, не клянется, не судится и не противится насиліемъ злему человѣку <sup>4)</sup>. Онъ не только не предается блуду, но, напротивъ, сохраняетъ всегдашнее цѣломудріе. Только въ томъ случаѣ могъ бы онъ, не впадая въ грѣхъ, жениться, еслибы видѣлъ, что всѣ существующія жизни дѣтей обезпечены <sup>5)</sup>. Никому ничѣмъ и никогда не вредя, истинно-любящій служить всякому, кому бы ни пришлось, своимъ физическимъ, преимущественно же земледѣльческимъ, трудомъ, но отнюдь

<sup>1)</sup> Стран. 30 въ 13 т. *Собранія сочиненій*.

<sup>2)</sup> Стран. 122, 128 и др. въ *Über Leben*. Въ письмѣ къ А. А. Фету отъ 29 апр. 1876 г. писалъ гр. Толстой, что онъ съ Шопенгауэромъ считаетъ любовь и состраданіе за одно и то же (стран. 466 въ 8 кн. *Русскаго Обзорнія* за 1890 г.).

<sup>3)</sup> Стран. 125 въ *Über Leben*.

<sup>4)</sup> Стран. 275 и др. въ *Worin besteht mein Glaube?*

<sup>5)</sup> Стран. 380 въ 13 т. *Собранія сочиненій*.

не деньгами, которыя суть зло <sup>1)</sup>). Вообще совершенно забывая себя самого, онъ не только отдаетъ другому свои силы и свое время, но и самое тѣло свое и жертвуетъ своей жизнью ради блага другихъ <sup>2)</sup>).

Но кто же или что же возлагаетъ на человѣка долгъ такой безусловно самоотверженной любви къ живущимъ существамъ? Какъ мы должны представлять себѣ тѣхъ, кои призваны имѣть такую любовь и самоотверженно служить благу всѣхъ? На этотъ вопросъ предлагается обстоятельный отвѣтъ въ разсужденіяхъ гр. Толстаго объ общей основѣ всего сущаго, о человѣкѣ, какъ нравственно дѣйствующемъ субъектѣ, и ихъ взаимоотношеніи. Отвѣтъ этотъ, по взгляду гр. Толстаго, внушается человѣку его разумнымъ сознаниемъ, которое свойственно лишь человѣку и которымъ онъ отличается отъ животныхъ <sup>3)</sup>).

Виновникомъ „закона“, въ силу коего человѣкъ долженъ любить другихъ больше, чѣмъ самаго себя, и жить не для себя, а для другихъ, является, по ученію гр. Толстаго, не личный всесовершенный Духъ, не Богъ, какъ Его представляетъ себѣ религіозное сознание человѣчества, а безличный міровой разумъ. Онъ — единственная основа, живущая во всемъ и всѣхъ насъ соединяющая во едино <sup>4)</sup>). Все есть воплощеніе и проявленіе этого абсолютнаго разума, но въ особенности человѣкъ съ свойственнымъ лишь ему одному разумнымъ сознаниемъ. Какъ окружающая человѣка природа существуетъ и живетъ по законамъ этого разума, такъ и человѣкъ въ своей жизни опредѣляется закономъ, исходящимъ отъ этого же разума. Все въ окружающей человѣка природѣ не сознательно выполняетъ законы

---

<sup>1)</sup> Ibid. стран. 4 и 100. См. также стран. 344 и др. въ 12 т. *Собранія же сочиненій* (7-е изданіе).

<sup>2)</sup> Стран. 30 и др. въ 13 т. *Собранія сочиненій*.

<sup>3)</sup> Стран. 106 въ *Über Leben*.

<sup>4)</sup> Ibid. стран. 73.

абсолютнаго разума. Человѣкъ-же долженъ сознательно подчиняться закону истинно-человѣческой жизни <sup>1)</sup>. Законъ этотъ — важнѣйшій изъ законовъ, по коимъ совершается что-либо въ мірѣ. Подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ этого закона постепенно, но неизбѣжно должна быть достигнута цѣль, предпоставленная абсолютнымъ разумомъ мировому процессу. Цѣлю же міра, по словамъ гр. Толстаго, служить безконечное просвѣщеніе и единеніе *всѣхъ* существъ міра. Сначала люди, а впослѣдствіи и *всѣ* существа, все болѣе и болѣе подчиняясь закону разума, поймутъ то, что теперь дано понять только человѣку, а именно: что благо жизни достигается не чрезъ стремленіе каждаго существа къ своему личному благу, но чрезъ согласное съ закономъ разума стремленіе всякаго существа ко благу *всѣхъ* другихъ <sup>2)</sup>. Это предсказано еще ветхозавѣтными пророками, говорившими, что наступитъ время, когда *всѣ* люди будутъ научены Богомъ, когда они перекуютъ мечи на орала, копыя на серпы, когда левъ будетъ лежать съ ягненкомъ, когда *всѣ* существа будутъ соединены любовью <sup>3)</sup>. Этотъ мировой разумъ, законоустанавливающий и цѣлеполагающій, отождествляется у гр. Толстаго съ евангельскимъ Богомъ - Словомъ. Именно объ этомъ разумѣ говорится, будтобы, въ первыхъ стихахъ первой главы евангелія отъ Іоанна: Слово (*Λόγος*—разумъ, мудрость) есть начало всего, все отъ Него и въ Немъ все <sup>4)</sup>.

Этимъ ученіемъ гр. Толстаго о мировомъ разумѣ, какъ основѣ всего сущаго, сами собою опредѣляются природа и отношеніе всего индивидуальнаго, частнаго,

---

<sup>1)</sup> Ibid.

<sup>2)</sup> Ibid. стран. 128.

<sup>3)</sup> Стран. 298 и 376 въ 13 т. *Собранія сочиненій*. Ср. сказанное мною на стран. 127 во 2-мъ изданіи моей брошюры: *О бракѣ и безбрачьи*. Какъ видимъ, гр. Толстой опровергаетъ меня ссылкой на пророчество: ..

<sup>4)</sup> Стран. 72 въ *Über Leben*.